

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 3 (43)

1 февраля 1945 года

№ 3 (43)

424
СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ Казачьим Войскам № 2

★

Советское наступление на Европу — полковник Н. В. Пятницкий

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов

★

Казачья сметка — из архива С. В. Болдырева

★

Идейный вклад казачества в дело борьбы против большевизма

★

Мы куем кадры (продолжение) — В. Никонов

★

Между Уной и Савой — Карл Курт Гампе

★

Налет — А. Яганов

★

Случай в разъезде — рассказ В. Хольмского

★

Розыски

Казачи в Италии

Старое и молодое поколение

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Приказ казачьим войскам

14/1 января 1945 года

№ 2

г. Берлин

К нашему Русскому Новому году я счастлив объявить родным казакам о следующих боевых успехах казаков на разных фронтах за последние шесть месяцев.

Мною только что получены копии докладов Областного Комиссара в Белоруссии о действиях и наблюдениях Комиссара во время эвакуации Белоруссии. В докладе Областного Комиссара г. Новогрудка от 18-го июля 1944-го года значится:

...«В этот же день казачье командование (Походного Атамана Доманова) по приказу высшего начальника СС и полиции получило задание так обеспечить дороги Городище—Новогрудок—Березовка, чтобы в любое время по ним возможно было бы ездить без сопровождения и не опасаясь мин. Казаки примерно выполняли эту задачу вплоть до приказа об эвакуации Новогрудской области. Благодаря обеспечению этого важного пути отступления удалось беспрепятственно транспортировать несколько тысяч раненых и одиночных немецких солдат через область Новогрудка...»

В докладе-же Областного Комиссара от 3-го августа 1944 года значится:

...«С помощью собранных в Новогрудке казачьих частей (Походного Атамана Доманова) в короткий срок удалось освободить от партизан и удержать главные пути сообщения. Было основание предполагать, что область Новогрудка к концу июля 1944-го года будет совершенно очищена от партизан. Однако предположение не оправдалось, несмотря на то, что борьба казаков с партизанами во время отступления в начале июля 1944-го года имела исключительное значение. До указанного срока казаки удерживали главные пути отступления. Если-бы казачьи части не действовали так решительно, транспорт около трех тысяч раненых и семи тысяч одиночных солдат через Новогрудскую область был бы невозможен; этот факт я особенно подчеркиваю. Заслуга казачьих соединений в этом отношении не может быть достаточно оценена...»

И уже к самому нашему новому году мною получено еще следующее знаменательное известие из I-й Казачьей дивизии генерал-лейтенанта фон Паница:

...«В первом сражении с регулярными советскими войсками части первой казачьей дивизии показали свою стойкость, выучку и силу боевого духа. 26-го декабря в боях с 233-й советской стрелковой дивизией казачьи части захватили 29 орудий, 6 минометов, 42 пулемета, 149 огнеметов, 13 противотанковых ружей, 72 автомата и несколько сот винтовок, а также много автомашин, боеприпасов и других материалов. На поле боя противник оставил 205 человек убитых. Взято в плен 145 красноармейцев...»

По размерам этого большого боя наши потери были ничтожны.

Если прибавить к этому блестящие действия наших полков и полицейских команд во время очищения Варшавы от повстанцев, когда доблестные полки эти вели очень трудные и кровопролитные бои в огромном городе и те постоянные бои в горах Альпийских, где казаки Походного Атамана генерал-майора Доманова шаг за шагом продвигаются вперед, освобождая итальянское население от шаек американцев, англичан и большевиков, то радостно становится на душе. Она преисполняется глубочайшим преклонением перед нашими строевыми частями, которые отлично действуя, ведут нас к победе и возвращению в родные края. Ибо каждый казак, где бы он ни был отлично понимает, что только полная победа Германии и ее союзников над большевизмом вернет нас в родные курени в столь дорогие нашему сердцу Тихий Дон, на Вольную Кубань и горный и гордый Терек. И то, что наш союзник, Германия, так оценивает казачьи победы — лучший залог того, что мы, воюя с большевизмом, идем по верному пути к домам нашим. Иного пути, как победа — нет!

И напрасно в тылах некоторые казаки «волнуются», как нервные барышни, боятся чего то, ищут иных скорых путей к возврату домой, готовы переменить свою присягу Фюреру на иную — все это тыловые бредни; наша победа — с Германскими войсками, с Русской Освободительной армией и другими союзными с Германией войсками, взявшими на себя тяжелый крест борьбы с большевизмом до полной и решительной победы.

Не будем стараться угадать время и сроки этой победы, но будем глубоко верить, что эта победа придет, что ускорить ее могут только наши мужество, выучка, дисциплина и тот боевой порыв, который так отмечают все, кому приходится сражаться рядом с казаками. Усугубим его в этом новом 1945 году. Доведем его до страстного движения вперед, которое уже ничто и никто ни смутить ни остановить не сможет.

Победа в наших руках!.. Она идет к нам!..

Начальник Главного Управления Казачьих Войск Генерал от Кавалерии
КРАСНОВ

Начальник Штаба Главного Управления Генерал-Майор
КРАСНОВ

Верно:

Адъютант Главного Управления Войсковой Старшина Моргунов

Советский удар по Европе

В третьем часу, на рассвете 12 января, после исключительно мощной артиллерийской подготовки, советские армии начали стремительный штурм германских позиций на западном берегу р. Вислы. Пять месяцев передышки понадобилось Советам для подготовки этого грандиозного наступления.

Пять советских армий, выйдя из, так называемого, Барановского предместного укрепления, занятого красными в летнее наступление прошлого года, ударили в западном и северо-западном направлении, имея объектом своих действий Кельцы, Ченстохов и Краков. Здесь наступают 90 стрелковых дивизий и 15 бронетанковых корпусов 1 Украинского фронта под командованием маршала Конева. Не подлежит сомнению, что главной целью этого удара является овладение промышленным районом Верхней Силезии, играющим роль, своего рода, «немецкого Донбаса». Советские части быстро достигли р. Ниды, выбросив вперед быстроподвижные соединения, которые на западе были остановлены на подступах к этому промышленному району г. Катовиц, где немцы организовали упорную и сильную оборону на восточном и северо-восточном фасах этой области. Левофланговые войсковые соединения вошли в северную часть г. Кракова, где завязались уличные бои. Действующие севернее части маршала Конева подошли к Ченстохову, где также на улицах началась жестокая борьба. Колонны противника, обтекая город с севера и юга, обозначили движение в направлении в Бреслау, одновременно пытаясь обходить с севера промышленный район Верхней Силезии, где упорно задерживаются немцами. Северный фас Барановского предместного укрепления повел наступление на Кельцы, за которые начался горячий бой.

На сутки позднее, начали наступление два других советских предместных укрепления у г. Пулавы, на Радомском направлении, и у гор. Варка, в направлении на Литцманштадт (Лодзь). Общая устремленность ударов отсюда определяется желанием советского командования, как можно скорее, захватить район Калиш—Торн—Познань. Обходное движение на север, в район западнее Варшавы, должно было содействовать взятию этого пункта на Висле, откуда советская группа войск, занимавшая предместье польской столицы — Прагу, могла начать наступление на запад, вдоль западного берега Вислы, на Кутно—Тоннинген—Вартербукен и далее, на Позен. Тут бил 1-й Белорусский фронт маршала Жукова. Этим двум советским группам (фронтам) содействовала третья группа войск красных, действовавшая на северных предгорьях Карпат, у Кросно, Ясло и Дебицы. Здесь наступал на запад 4-й Украинский фронт генерала армии Петрова, развившего наступление на Новый Сандец, Тарнов, и далее на Краков.

Севернее Варшавы, на восточном берегу Вислы действуют еще две сильные группы противника, которые, в сущности, повторяют старый маневр первой мировой войны, — стремясь окружить германские армии, обороняющие Восточную Пруссию. Первая группа — 2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского — 40 стрелковых дивизий, другая группа —

3-й Белорусский фронт генерала армии Черняховского, — 85 стрелковых дивизий, наступающий на Гумбинен, Инстербург и Кенигсберг. Маневр этих двух групп совершенно ясен и тот и другой фронты, описывая дугу захождения, должны обойти сильную германскую оборонительную линию Мазурских озер, одна — с севера, а другая — с юга.

Первая группа маршала Рокоссовского начала наступление на Модлин, Млаву и Остроленку (Шарфенвизе), имея целью, повидимому, выход к устью р. Вислы. Вторая группа Черняховского начала наступление на запад, на фронт Шлосберг, Эбенроде. Ей содействует еще более с севера советское соединение, действующее против германского предместного укрепления у Мемеля и Таургена. Таким образом, если принять во внимание советское наступление в Венгрии (фронт 500 клм.), мы увидим, что предпринятое Советами новое зимнее наступление охватывает еще новый огромный район от Карпат до Мемеля (еще 750 клм.), т. е., что красное командование пошло на грандиозную по размаху наступательную операцию на фронте в 1250 клм. активного фронта. *

Разумеется, такие фронты требуют колоссальных сил, бросаемых в наступление. Нет ничего удивительного, что Советы с первых же часов атаки несут чудовищные потери от глубокой системы германской обороны. В первые два дня своего наступления между южными склонами высот Лыса Гура и устьем р. Нида, противник потерял 245 танков. На третий день там же, еще 42 танка. На Нереве — 82 танка и в Восточной Пруссии 51 танк. Таким образом лишь за третий день общий большевистский урон к северу от Карпат исчисляется в 175 танков. При этом нужно подчеркнуть, что боевое напряжение еще далеко не достигло своего кульминационного пункта.

Особенностью настоящего сражения является участие в боях нового чрезвычайно губительного средства противотанковой борьбы — штурмового воздушного истребителя танков (самолет) и танка нового усиленного типа «Королевский Тигр» (дальнейшее техническое развитие типов «Пантера» и «Тигр»).

К концу пятого дня советского наступления, т. е. к 16 января положение на Восточном фронте приняло уже определенные очертания:

Главные советские силы — 90 стрелковых дивизий и 15 танковых корпусов, наступают в Зависленском крае. Передовые его части проникли к северо-западу от Кракова в район Ченстохова, юго-западнее Томашева и северо-западнее Варшавы. Другой особенностью настоящего сражения является то, что позади советских передовых частей, сильно выдвинувшихся вперед, продолжают упорные бои дивизии германского оборонительного фронта, оставаясь на месте и ведя бой с главными силами большевиков, двигающимися в последующих эшелонах наступления.

На восточном берегу р. Вислы, части маршала Рокоссовского, силою до 40 стрелковых дивизий, с несколькими бронетанковыми корпусами, заняли Модлин, Насельск и Цеханов. В Северной части Восточной Пруссии, между Ромиентенской рощей и Шлосбергом, пытаются добиться прорыва еще 25 стрелковых дивизий, с многочисленными танковыми соединениями и чрезвычайно сильной авиацией (1500 самолетов). Упорная оборона немцев в этом районе заставляет крас-

ных прибегать все время к обходу их северного фланга; — г. Шлосберг оставлен противнику, который однако понес большие потери. В танковом сражении севернее Варшавы и в пограничном пространстве Восточной Пруссии, неприятель потерял 300 танков. С начала наступления Советов, т. е. с 12 января за 5 суток, красные потеряли более 700 танков.

Все вместе взятое показывает, что мы стоим перед попыткой наступления, принявшего исключительно гигантский размах. В общей сложности Советы бросили сюда около 200 стрелковых и бронетанковых дивизий, совершенно ясно обнаруживая цели решающей войны стратегии. Можно думать, что Сталин бросил в это наступление почти все, чем сейчас может располагать Красная Армия, на четвертом году изнурительнейшей и губительнейшей войны. На прусских, польских и селезских полях сражений советский деспот разыгрывает последние карты своей азартной игры, ставкой является судьба всей Европы.

Развернувшееся на Восточном фронте сражение принимает совершенно четкий характер двойного сражения:

Первое — наступление в огромной излучине реки Вислы на западном ее берегу, между Торном и Краковом (350 км.), с целью удара внутрь Германии на Позен и Бреслау (удаление обоих пунктов от советского предместного укрепления на Висле у м. Пулавы — 350 км.).

Второе — борьба за обладание всей Восточной Пруссией; район Мазурских озер обходится советскими войсками с севера и юга. Красные намерены, повидимому, отрезать восточно-прусский театр от остальной Германии, примерно, у устья р. Вислы, окружив, затем германские армии находящиеся в четырехугольнике Кенигсберг—Инстербург—Алленштейн—Иоганисбург.

От начала операций (12 января) прошло уже более 10 дней. Передовые клинья бронетанковых частей прошли с тех пор максимально 250 км. Средняя суточная оперативная скорость — 25 км. Последние сутки эта скорость продвижения определяется даже для танков не более, как 10—15 км. Это означает, что наступление начинает «выдыхаться», встречая все возрастающее сопротивление германских резервов, направляемых из глубины Германии к угрожаемым направлениям (Торн, Познань, Бреслау, Каттовиц). Основная группа германских армий не прекращает обороны глубоко в тылу противника, мешая и без того трудной связи и сверхтрудного снабжения (как известно, Ченстохов, на днях временно был снова взят немцами с востока).

Позволительно предположить, что дня через три-четыре советское наступление в Вартелянд и Силезию выдохнется совсем, после этого можно ожидать следующего этапа сражения — германских контр-ударов. Всякая операция прорыва, даже увенчанная успехом, обречена на затухание, либо, по крайней мере, на передышку, потребную для новой организации питания далеко ушедших вперед войск — горючим, огнеприпасами, людским пополнением, продовольствием и фуражем. Именно этот период является наиболее выгодным для контрударов обороняющегося. Последний переходит к наступлению тогда, как наступавший до того, начинает оборону. Роли меняются. Ликование побед умолкает, восторги побед блекнут, чтобы однажды окончательно завянуть. В этот момент былой успех в наступательной авантюре может привести даже к катастрофе. Не будем гадать об исходе наступления Советов, но отметим, что ударный кулак советского прорыва сейчас расплывен на фронте в 350 км., при такой же глубине отрыва от исходного положения, в неприятельской, враждебной Советам стране с чуждым, патриотически настроенным населением, что связь и управление у красных до чрезвычайности затруднены, что в ударном «таране» уже зияют огромные бреши от чудовищных потерь. Все это привело для большевистской стороны к

трудным, очень трудным и даже крайне рискованным положениям.

Ожидать перемены в сложившейся обстановке осталось недолго, буквально, считанные дни: всякую авантюру ждет соответственно тяжкое возмездие. Нужно только, сохраняя спокойствие, бороться хотя и с горячим сердцем, но с холодной головой.

Развитие операций проходило следующим образом: к 18 числу Краков, Кельцы, Радом, Томашев, Ченстохов, Варшава, Литцманштадт и Кутно были взяты. Севернее Вислы, Рокоссовский вышел клином на север от Модлина, Плонен, Млава, Праснышь, Красносельц, Шарфенвизе. Черняховский наступал севернее Роминтенской пуши на Эбенроде и Шлосберг. 19 января Жуков, правым флангом, прошел вдоль Вислы через линию Леслау-Тоннинген. Рокоссовский 19 января занял Танненберг. Черняховский занял Шлосберг и обойдя с севера и юга, подошел к Гумбинену, одновременно наступая северными обходными колоннами вдоль течения р. Инстер на Инстербург; Мемель, Тильзит были взяты. Передовые части правого фланга красных вышли к Крейцинген-Ауленбах.

21 января маршал Конев вел бои восточнее Опельна. Жуков подошел к линии Калиш-Торн, а маршал Рокоссовский выдвинулся на север к Дейч Эйлау-Алленштейн. Черняховский развивал в этот день наступление на всем фронте в 125 км. от Филиппов (южнее Роминтенской пуши) до взморья Куриш Гаф северо-западнее Инстербурга.

22 января части Конева вели атаки против оборонительной системы силезского промышленного района, приблизившись севернее к течению р. Одера на восток от Опельна.

Жуков наступал на Бреслау, доведя передовые части на полпути между Намслау и Оельс (35 км. восточнее Бреслау). У Калиша и юго-западнее Литцманштадта советские штурмующие колонны тщетно пытались опрокинуть прочно обороняющихся немцев.

Севернее р. Варты танковые передовые части красных подошли к району восточнее Позена.

В Пруссии Рокоссовский занял Дейч Эйлау и Алленштейн, а Черняховский, ведя уличные бои в Инстербурге, выводит свой правый фланг через Эльхвердер, Либенфельде и Маритхаузен к течению рек Дейме и Прегель.

Сводка от 24 января говорит о продвижении противника к северу от Карпат (Татры) до Маркова.

Ясно обозначился обход советских войск к западу от Промышленного района Восточной Силезии на Глейвиц.

На р. Одер идут бои по обе стороны Оппельн на широком фронте между Козель и Бриг.

Германские части перешли к контратакам восточнее Бреслау, выбив красных из многих населенных пунктов.

Сильная группа из состава германских войск, продолжающих борьбу с противником в глубоких тылах красных ведет арьергардные бои восточнее Ширатц (между Литцманштадтом и Калишем).

В Восточной Пруссии советская группа из Дейч-Эйлау и Остерроде совершает захождение левым флангом к северо-востоку на Эльбинг (дельта Вислы) и Морунген, где германские дивизии оказывают сильное сопротивление.

На севере Восточной Пруссии северный фланг красных со стороны Тильзита подошел к р. Прегель и Дейме (передовая позиция укрепленного плацдарма крепости Кенигсберг), обнаруживая попытки переправ.

Гор. Инстербург после кровопролитного уличного боя взят красными.

В Курляндии противник после сильной арт. подготовки перешел в наступление юго-восточнее Либавы, южнее Фрауенбурга и северо-западнее Доблен. Противник потерял 101 танк.

Н. В. Пятницкий.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*

LXIII.

Участие донских казаков в Японской войне. — 4-ая Донская казачья дивизия. Состав ее. Царский смотр дивизии в Персияновке. — Дело у Лидиянтуни 17-го октября 1904-го года. — Набег на Инкоо в декабре. — Ночной бой у Лиусигу. — В сражении у Сандепу. — Зима 1905-го года в Харбине.

Донское войско приняло малое участие в Японской войне. Несколько десятков офицеров-добровольцев отправилось, с разрешения начальства, служить в Сибирских, Забайкальских, Амурских и Уссурийских казачьих полках.

Летом 1904 года Донскому войску было повелено выставить в Маньчжурскую армию одну дивизию из полков второй очереди. Наказным атаманом на Дону был в это время генерал от кавалерии Константин Клавдиевич Максимович (1899-1905 годы).

Станции: Верхне-Каргальская, Романовская, Кумшацкая, Цымлянская, Терновская, Филипповская, Баклановская, Чертовская, Нижне-Курмойская, Иловайская и Кутейниковская выставили 19-й Донской казачий полк под начальством войскового старшины Пахомова.

Станции: Грушевская, Кривянская, Новочеркасская, Аксайская, Александровская, Ольгинская, Гиловская, Хомутовская, Кагальницкая, Мечетинская и Владимирская составили 24-й Донской казачий полк под начальством войскового старшины Попова.

Станции: Раздорская на Дону, Кочетовская, Нижне-Кундрюцкая, Екатерининская, Усть-Быстринская и Великокняжеская дали 25-й Донской казачий полк под начальством полковника Медведева.

Станции: Семикаракорская, Золотовская, Константиновская, Боговлянская, Николаевская, Маринская, Камышевская, Ермаковская, Денисовская и Платовская составили 26-й Донской казачий полк под начальством войскового старшины Багаева.

Дивизия получила наименование 4-й Донской казачьей дивизии. К ней был придан от 2-й казачьей Сводной дивизии артиллерийский дивизион полковника Кузнецова из 2-й и 3-й Донских казачьих батарей — первоочередных. Начальником дивизии был назначен генерал лейтенант Телешов (не казак). Бригадами командовали генерал майоры: Стоянов и Абрамов.

16-го августа 1904-го года Государь Николай II лично прибыл на Дон проводить дивизию в действующую армию. У артиллерийского лагеря, в Персияновке, подле Новочеркаска, состоялся смотр дивизии. Государь благодарил казаков за быстрый сбор дивизии и высказал уверенность, что дивизия «поддержит старую боевую славу донских казаков». От лица Государя Государь благословил полки дивизии иконами.

В Маньчжурию донские полки прибыли тогда, когда после тяжелого и кровопролитного сражения под Ляояном русские войска отошли на реку Шахэ и окопались на ней.

Прекрасно снабженная и одетая, на рослых кровных конях, с молодцами казаками дивизия произвела огромное впечатление в армии.

— Это наша гвардия, — говорили в сибирских полках.

17-го октября 3-ья сотня 19-го Донского казачьего полка есаула Косоротова, состоявшая из трех взводов, без младших офицеров, обнаружила перед собою два японских орудия. Впереди — поле, поросшее не снятым «гаоляном», растением подобным кукурузе, таким же высоким, с твердыми стеблями. Косоротов развернул лаву и пошел в атаку на батарею. Под ним был убит конь. Казак Власов подвел ему своего коня, но и он был сейчас же убит, а сам Косоротов ранен в обе ноги. Казак Ашинин вывез из боя раненого командира. Сотню повел вахмистр. Он был ранен. Между тем казаки были в эта шагах от орудий. Легофланговый взвод попал на проволоку. Атака приостановилась. Кто-то крикнул:

— Назад!.. Тут проволока!..

Остатки сотни повернули и помчались назад.

15 казаков было убито, 32 ранено. Лошадей убито 33, ранено 37.

Почти вся сотня погибла в этой атаке.

Отсутствие правильного обучения, отсутствие офицеров, взаимной выручки, непонимание обстановки, привели к тому, что лихая атака обратилась в поражение. Где-же были другие сотни 19-го полка? где были остальные полки дивизии, бывшей тут же, слышавшей грохот орудийной пальбы и ружейный огонь прикрытия батареи и не пошедшей поддержать

смелый порыв Косоротова? И пошли разговоры: «японец, хитрее нас... он у себя дома... ему Китай помогает»... Заколебался дух... Дивизия замерла в бездействии. Стали поговаривать: «конные атаки теперь невозможны»...

В конце декабря генерал адъютанту Мищенко было поручено идти в набег в тыл японцам, к станции Инкоо, которую разорить и сжечь. В набег были назначены 19-й, 24-й и 26-й Донские казачьи полки — 18 сотен; 21 сотня уральцев и забайкальцев, 11 сотен кавказских горцев, 18 эскадронов Черниговского, Нежинского и Приморского драгунских полков, 4 сотни пограничной стражи, полусотня конных разведчиков стрелков, 4 конные охотничьи команды, 12 орудий забайкальских казачьих батарей, 6 конных орудий 20-й конной батареи и 4 пеших орудия.

● Грозная сила из 76 эскадронов и сотен и 22 орудий, около восьми тысяч всадников, тронулась 27-го декабря четырьмя колоннами: генерала Самсонова, войскового старшины Свешникова, генерал майора Абрамова и генерал лейтенанта Телешова вдоль реки Ляо-хэ.

За три дня прошли 110 верст и 30 декабря конница подошла к железнодорожной станции Инкоо.

Для овладения станцией была назначена колонна полковника Харанова. В нее вошли кавказские всадники, драгуны и две сотни донцов при батарее. Штурм станции предполагался ночью со стороны реки Ляо-хэ. Русская артиллерия зажгла склады продовольствия на станции. При свете пылающей соломы эскадроны и сотни на льду разворачивались для пешего боя. Кавказские всадники и казаки, неподготовленные и необученные ночному бою, попав под жестокий огонь японской артиллерии и стрелков на льду, где не было укрытия, где нельзя было окопаться, скользили, падали, сбивались в кучи. Наконец, с 900 шагов, с криком ура, предводимые Харановым, цепи бросились на берег. Здесь наткнулись они на волчьи ямы и проволочные заграждения, которыми были окружены станционные постройки. Не имея ножниц для резки проволоки, люди растерялись и залегли подле проволоки, открыв беспорядочный огонь по станции. Начались большие потери. Раненые отползали назад, тяжело раненых и убитых выносили. Цепи редели. В это время сзади, у деревни Лиусигу, трубач подал сигнал «сбор». Огорченные и ослепленные неудачей казаки брели назад, провожаемые дикими криками «банзай» японцев. Противник, потрясенный ночной атакой не преследовал. В этом деле было убито 4 офицера и 57 казаков и драгун; ранено — 20 офицеров и 171 казак и драгун и без вести пропали 26 казаков.

Японская пехота спешила отрезать генералу Мищенко путь отхода. Отряд лишь с большими затруднениями отошел к своим и к новому, 1905-му, году ушел за линию сторожевого охранения.

В зимнем сражении у Сандепу, в январе, донцы находились в отряде генерала Мищенко на фланге 2-й армии генерала Гриппенберга. Их работа заключалась в охранении и разведке. В случайных боях у деревень Локонто, Ланцоу и Уцзяганза отличились 26-го Донского казачьего полка есаул Чекалов и сотник Миронов.

15-го января спешенные донцы дрались у деревни Сьерпу. В ночь на 16-ое января пришло приказание генерала Куропаткина об общем отступлении. Русские армии отходили на новые позиции к Харбину.

К весне заговорили в армии о мире. Вдруг стали поговаривать о невозможности воевать, о внутренних в России беспорядках, в армии появились смутяны. Начался самовольный уход солдат с позиций. Кое-где в тылу произошли солдатские бунты.

Осень и часть зимы 1905-го года донцы 4-й казачьей дивизии провели в Харбине, охраняя покой и порядок. В это жуткое, смутное время донские сотни 4-й дивизии явились одной из немногих стойких надежных частей, которых не совратило гнилое и лживое учение революционеров.

LXIV.

Смута в России. — Латышская и Южно-русская еврейская республики. — Манифест 17-го октября 1905-го года. — Донцы в 1-ой Государственной Думе. — Забастовки. — Призыв всего войска Донского к охране порядка. — Волнения на Дону. — Братья Мазуренки. — Благодарность Государя казакам за их верную службу. — Грамота войску Донскому 24-го января 1906-го года.

Все темные силы, все ненавидящее Россию и русских еврейство пришло в движение. Тысячи молодых людей, руко-

* См. № 2 «На Казачьем Посту».

водимых жидами, снабжаемых средствами из-за границы устремились навстречу возвращающейся в Россию армии; поехали по деревням, поехали по городам в полки дальних гарнизонов с целью разложить армию и поднять крестьянские бунты. Вся сила пжи была пущена, чтобы валить Россию.

Учебные заведения — университеты, гимназии, школы прекратили занятия — забастовали. Повсюду шли «митинги», как тогда называли — «массовки». Над толпами реяли красные флаги мятежа с надписями: «долой самодержавие», «долой царя». «Да здравствует свобода...» Остановились железные дороги — забастовали. Прекратили работу почта и телеграф. В городах не работали водопровод и электрические станции. Вся Россия была во власти толпы и темных слухов.

В Лифляндской губернии латыши провозгласили самостоятельную, независимую от России, «Латышскую республику». В Одессе объявилась «Южно-русская еврейская республика».

В Сибири бунтовали ссыльные. Войска были ненадежны. Произошли беспорядки во флоте и в пехотных полках.

Под давлением этих тяжелых событий Государь Николай II 17-го октября 1905-го года издал манифест, которым расширились права общества и объявлялись «свободы»... Для помощи правительству в делах управления была созвана Государственная Дума.

События эти мало затронули донских казаков. Холодно и равнодушно отнеслись жители станиц и хуторов к выборам в Думу своих депутатов.

Кто же попал в эту Первую Думу, которую громко называли «Российским парламентом» от Донского войска?

От городов Ростова на Дону и Нахичевани — врач А. П. Хартахай — не казак; от Донской области — товарищ прокурора Таганрогского Окружного суда М. П. Араканцев; преподаватель гимназии В. А. Харламов; священник о. Клавдий Афанасьев; почетный мировой судья, крупный землевладелец, И. Н. Ефремов; преподаватель гимназии и писатель Ф. Д. Крюков; представитель от крестьян С. В. Кулаков — не казак; член окружного по крестьянским делам присутствия есаул А. М. Скасырский, землевладелец; рядовое казачество было представлено четырьмя урядниками: М. И. Куликовым, М. С. Савостьяновым, И. М. Васильевым и Е. Я. Куркиным, людьми, затертыми другими членами и ставшими без голоса.

Знали эти представители Донского казачьего войска своих доверителей — казаков? служили они в полках, испытали всю тяготу казачьей службы и всю ее славу и доблесть? Думали они о том, что иному донскому казаку его невесомое — слава его казачьего имени, уважение к нему, как воину, дороже видимого и земного, того, о чем только и хлопотали эти представители войска, сразу ставшие в ряды «левых» депутатов Думы и в оппозицию, то-есть противодействие правительству, которому призваны они были помогать и кому в эти годы лишениями, кровью и жертвами помогали строевые казаки?

В эти дни Государь призвал на защиту России все полки второй очереди Донского войска, 30 отдельных сотен и три полка третьей очереди. Почти все войско Донское поднялось на защиту России и ее Государя.

Им, этим сынам Тихого Дона, знамена их и царские грамоты, судьбы донские были дороги. Господам донским депутатам они были безразличны.

Россия была объята жестокой смутой. Пускай для донцов Россия была жестокой и несправедливой, пускай она часто обижала их — она была их матерью. И рядовой казак понял, что нужно бросить все свое, личное, и идти спасать Россию. Не будет России, отдастся она во власть жидо-революционера — погибнет и войско. Казаки бросили родные курени, продавали последнее имущество, последнюю пару волов и шли исполнить волю Государя — спасать Россию. А в эти дни жертвенного подвига казаков, 2-го июня 1906-го года, казачьи депутаты: В. А. Харламов, Араканцев, Крюков, Афанасьев, Хартахай и с ними другие — уже и не казаки — подают в Думе запрос о призыве к военной службе внутри Империи казачьих полков 2-й и 3-й очередей! Они пишут, что помимо полного разорения казачества «полицейская служба в сознании казачьего населения не совместима со званием казака-воина, защитника Родины»... Знали эти люди, что такое звание казака-воина? носили они когда-нибудь это священное имя?

Полицейская служба!.. Толпы рабочей и учащейся молодежи, руководимые жидами, стреляли в эти дни по солдатам. Ломали фонари, валили вагоны, строили укрепления в городах и из-за них расстреливали мирных жителей, женщин и детей. В Кронштадте, Либаве, Севастополе, Владивостоке и других приморских городах бунтовали матросы и уводили военные суда за границу. Борьба с ними была не полицейская служба, но именно — защита Родины!

Крестьяне нападали на помещиков и убивали их; жгли поместья и хлеб на корню, готовя себе самим голод и нищету. Под ударами революционеров, бросавших бомбы в полицию и губернаторов, гибли женщины, дети, старики и старухи. Государственное добро расхищалось.

Повторялась кровавая и беспощадная «Пугачевщина». Шел «бессмысленный и беспощадный бунт», как тогда назвал Пугачевский бунт А. С. Пушкин, но бунт охвативший всю Россию, запылавший пожарным пламенем везде...

Это была не полицейская служба, но защита России от гибели.

Значение казаков в деле защиты России первыми оценили сами революционеры. В октябре 1905-го года на беседе представителей Петербургской печати с графом Витте, бывшим тогда первым министром, Н. О. Анненский заявил: «нас бьют казаки, удалите эту дикую орду»...

Представители казачества, жившие в Петербурге, по этому поводу поместили в газете «Новое Время» письмо, где возмущенные словами Анненского защищали — «обширное и древнее сословие истинных русских православных людей — казаков, охраняющих родину от анархии»...

По газетам, журналам и сборникам, большинство которых находилось в жидовских руках, началась травля казаков. Тогда-то и зародилась мысль о полном уничтожении казаков, впоследствии приведенная в исполнение Лениным и большевиками.

В Сборнике «Народный Вестник» за 1906 год Л. Чермак писал: ... «слово «казак» стало синонимом грубости, наглости, жестокости и зверства... Когда наши народные представители получают власть, то казачий вопрос будет одним из первых, которым они займутся и разрешат его в смысле уничтожения этой военной касты, являющейся покорным орудием в руках правящего класса... Почему русский народ в момент коренной ломки поземельных отношений, проводя в жизнь принцип «земля — трудящимся» должен блюсти какие-то казачьи привилегии?.. Страхи будто бы казаки с оружием в руках будут защищать свою землю — вздор. Бывали уже случаи уничтожения казачьих войск и никаких бед не воспомялось... Прямо-таки преступно поддерживать то мнение, что казачество является чем-то особенным, чего нельзя касаться. Казачество это прежде всего часть великого народа и должно будет подчиниться и подчинится тому решению, которое будет продиктовано народом».

Таков был приговор социалистов-революционеров казакам.

Не мог он не встревожить казаков. Да и не было недостатка в смутьянах.

Член Государственной Думы от Оренбургского казачьего войска Седельников, пользуясь своей членской неприкосновенностью явился в казармы 1-го Донского казачьего полка в Москве волновать казаков. Казаки на его увещания не пошли. Только в Вильне в 3-ем Донском казачьем полку и в Одессе в 8-ом полку, где работали с обычной им наглостью жида, произошли малые нарушения дисциплины, да казаки 31-го Донского казачьего полка, разжигаемые членами Государственной Думы, писали прошения об освобождении от полицейской службы и об отпуске их домой.

На Дону произошли незначительные волнения в Усть-Медведицком округе, где атаман Усть-Медведицкой станицы подесаул Миронов, герой Японской войны, мучил казаков. Миронов был арестован и доставлен в Новочеркасск, но по настоянию станицы выпущен распоряжением Донского наказного атамана, князя Н. Н. Одоевского-Маслова, не пожелавшего обострять отношения с станицей.

В Донецком округе три брата Мазуренки создали «крестьянский союз», в котором требовали полномочного народного представительства и уничтожения частной собственности на землю. Успеха среди казаков крестьянский союз не имел. Не было охоты у казаков смешиваться с иногородними. Крестьянский союз был недолговечен.

Донские казачьи полки в эту первую революцию свято исполнили свой долг перед Россией и это им Россия была объявана в значительной степени, что победила смуту и достойно могла подготовиться к новым тяжким испытаниям — мировой войне 1914-1918 годов.

31-го декабря 1905-го года на смотре Лейб-гвардии казачьего полка Император Николай II благодарил полк за службу: «Царям, шефам и Отечеству, как в военное время, в походах, так и в мирное время».

— И теперь, — сказал Государь, — в те смутные дни, которые Господь ниспослал России, вы и все войско Донское служите честно, верно и беззаветно мне и России.

3-го февраля 1906-го года во время смотра 27-му и 28-му Донским казачьим полкам Государь сказал казакам:

— Казаки! скоро будет год, что я вас призвал на службу

для охраны спокойствия и порядка в моей столице и ее окрестностях. Десять месяцев, как вы несете вашу тяжелую службу верно и честно России и мне. Я знаю, что вы оставили свои семьи дома, но я прикажу о них позаботиться, так что им никакого ущерба не будет. Донское казачество честно и преданно несет службу отечеству и мне.

И, как то бывало и раньше, когда все войско призывалось на службу, когда от донских казаков требовалась полная жертвенность, Государи Русские отмечали их службу особыми Высочайшими грамотами, где подтверждались все прежние особые права донских казаков и принадлежность им земель, так и в этот раз Государь, 24-го января 1906-го года, пожаловал Войско Донское следующей грамотой:

«Нашему верноподданному и доблестному Войску Донскому.

С первых времен своего существования, свыше трехсот лет тому назад, славное Войско Донское начало верное свое служение Царям и отечеству. Неустанно преследуя светлую цель развития зародившегося тогда грозного могущества Государства Российского оно с тех пор неизменно беззаветною самоотверженностью своей и беспредельной преданностью всех своих сынов Престолу и России, став оплотом на рубежах Государства, богатырской грудью охраняло и содействовало развитию его пределов.

В години тяжелых испытаний, неисповедимыми судьбами Промысла Всевышнего Царству Русскому ниспосланных, все Донские казаки всегда с одинаковой любовью и храбростью, становясь в ряды защитников чести и достоинства Российской державы, стяжали себе, постоянно присущим им духом воинской доблести и многочисленными подвигами, бессмертную славу и благодарность Отечества.

И в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, Донские казаки, свято исполняя заветы своих предков верою и правдою служить Царю и России, явили пример всем верным сынам Отечества.

За столь самоотверженную, неутомимую и верную службу объявляем близкому сердцу Нашему, доблестному Войску Донскому особое Монаршее наше благоволение и подтверждаем все права и преимущества, дарованные ему в Бозе почившими Предками нашими, утверждая Императорским словом Нашим, как ненарушимость настоящего образа его служения, стяжавшего Войску Донскому историческую славу, так и неприкосновенность всех его угодий и владений, приобретенных трудами, заслугами и кровью предков и утвержденных за Войском Монаршими грамотами.

Мы твердо уверены, что любезные и верные нам сыны Дона, следуя и впредь славному преданию отцов, всегда сохраняют за собою высокое звание преданных слуг и охранителей Престола и Отечества.

В сей уверенности пребывая к Войску Донскому Императорскою милостью Нашею неизменно благосклонны, благоволили мы сию грамоту Собственною Нашею рукою подписать и Государственною печатью утвердить повелели. Дана в Царском Селе, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот шестое, Царствования же нашего в двенадцатое. На подлинной написано: — Николай».

LXV.

Причины общеевропейской войны 1914-го года. — Трудное положение Русской армии после Японской войны и революции. — Император Германский Вильгельм II и президент Французской республики Пуанкаре в России. — Повод к войне. — Сараевское убийство. — Объявление войны. Император Николай II в Москве.

Причин для общеевропейской войны, вылившейся потом в войну мировую, было много. Сорок четыре года, со времени разгрома Франции в 1870 году, Германия, если не считать небольших колониальных войн в Африке, наслаждалась миром. Почти за полвека напряженной работы она накопила большие средства; население ее разрослось; армия была прекрасно обучена, снаряжена и вооружена; создан большой и сильный военный и торговый флот. Она рвалась вширь и вдале. Ее Император Вильгельм II сказал немецкому народу: «наше будущее на морях».

С большим блеском и пышностью Император Вильгельм II совершает путешествие на Ближний Восток. Готовится прокладка рельсового пути от Берлина на Константинополь-Багдад и далее к Персидскому заливу. Германия выходит к заветным «синим морям», становится твердо на берегах Мраморного моря, выходит на пути к Египту и Индии.

Все это встревожило Англию, считавшую себя всегда «владычицей морей» и полной хозяйкой на Средиземном море. Верная своему обычаю заставляла воевать за себя других,

Англия начала готовить Россию и Францию к войне с Германией.

Во Франции горючей народной болью болели раны поражений 1870—71-го годов, потеря Эльзаса и Лотарингии. Раны эти постоянно растревались газетными статьями и писаниями журналистов и поэтов. В 1913-м году, осенью, во Франции были маневры XX армейского корпуса, во главе которого стоял бывший начальник высшей военной школы генерал Фош. Маневры происходили к востоку от Нанси, почти на рубеже Лотарингии. В высшем командном составе корпуса, помнившим войну 1870 года и среди офицеров шли разговоры о тогдашнем позоре Франции и о необходимости возмездия. Явилась жажда победной войны. Газеты разжигали это настроение.

Несколько труднее стояло дело с Россией. Император Николай II не хотел войны. Россия только что начала справляться от потрясений неудачной Японской войны и революции. Перевооружение армии не было закончено. Не все части были снабжены пулеметами, а те, которые были ими снабжены, имели их в недостаточном количестве. Полевая тяжелая артиллерия только что начала создаваться. Воздушный флот едва зарождался. Самолетов было мало и те, которые имелись были очень плохого качества. В армии понимали трудность и тяжесть войны с Германией.

К Англии примкнул в ее желании войны России с Германией еврейско-масонский мир, жаждавший унижения и уничтожения России. Огромные капиталы были брошены в Россию для обработки общественного мнения в пользу войны. Газеты, даже такие, как «Новое Время», попадали в цепкие жидовские руки и начинается ряд статей в пользу войны. Багдадская железная дорога затрагивала интересы России. Началась газетная травля Германии.

Император Вильгельм прибыл в русские воды Балтийского моря, где имел личное свидание с Императором Николаем II. Одно время, казалось, опасность войны была избегнута.

Тогда в Петербург прибыл президент Французской республики Пуанкаре. Он напомнил Русскому Государю о франко-русском союзе, об обязанности России вступить в войну с Германией, если та нападет на Францию. Император Николай II подтвердил свою верность союзу.

Оставалось создать обстановку, которая вызвала бы неизбежность войны.

Германия колебалась. В ней понимали трудность войны с тремя самыми могущественными державами Европы: Россией, Францией и Англией. Англия заявила Германии, что она останется в стороне от войны.

Нужно было начинать.

15-го июня*) 1914-го года в городе Сараево, гимназист Принцип убил при проезде через город эрцгерцога Фердинанда, наследника Австро-Венгерского Престола и его жену.

10-го июля Австро-Венгрия потребовала от Сербии удовлетворения. Сербия не согласилась исполнить требования Австро-Венгрии и 13-го июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Австрийские войска вошли в пределы Сербии. Началась бомбардировка Белграда.

Россия, на протяжении многих лет оказывавшая помощь славянским народам на Балканах, потребовала прекращения войны. Требования русского посланника в Вене не были приняты. В России была объявлена мобилизация армии. Германия потребовала отмены мобилизации и новых переговоров. Одно время казалось, что Император Николай отменит мобилизацию, но тут вмешались масонские круги; Императору было заявлено, что отменить мобилизацию уже нельзя. Жребий был брошен.

Германия объявила войну России. На другой день Франция объявила войну Германии. Так — 1-го августа 1914-го года началась первая мировая война.

5-го августа в Москве, в Кремле, Император Николай II обратился к представителям Русского народа со следующими словами:

«В час военной грозы, так внезапно и вопреки моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю державных предков, ищущего укрепления душевных сил в молитве у святых Московских».

В стенах древнего Московского Кремля, в лице вашем, жители дорогой мне первопрестольной Москвы, я приветствую весь верный мне Русский народ, повсюду и на местах, в Государственной Думе и в Государственном Совете единодуш-

*) Все числа, как тут, так и дальше по старому Русскому стилю.

но откликнувшийся на мой призыв стать дружно всей Россией, откинув распри, на защиту родной земли и славянства.

В могучем всеобщем порыве слились воедино все без различия племена и народности великой империи нашей и вместе со мной никогда не забудет этих исторических дней Россия. Такое единение моих чувств и мыслей со всем моим народом дает мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем.

Отсюда, из сердца Русской земли, я шлю доблестным войскам моим и мужественным иноземным союзникам, заодно с нами поднявшимся за поправные начала мира и правды, горячий привет.

С нами Бог!

Главкомандующим Русскими вооруженными силами был назначен дядя Государя, Великий Князь Николай Николаевич.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Казачья сметка

(Из походного архива С. В. Болдырева)

Донцы и датчане

Во время пребывания в Москве датского принца Вольдемара, объявленного в 1644 году женихом дочери царя Михаила Феодоровича, царевны Ирины, прибыла туда же за получением очередного жалования и зимовая станица с Дона. Возвращаясь один день из дворца, порядочно закусивши, 30 казаков встретились с датчанами и под веселую руку поколотили их. Принц принес жалобу, но вскоре после этого его люди в свою очередь побили казаков, шедших от боярина Ф. И. Шереметева. В результате, велено было казакам скорей выдать жалование и отпустить домой, а датчанам запретили ходить по улицам.

Таким образом, казаки, слишком долго ожидавшие в Москве получения жалования, добились, наконец, своего и уехали домой.

Бегство из плена

15 июня 1812 г. в сражении под Витебском граф Орлов-Денисов атаковал французов. Четыре лейб-казака так увлеклись преследованием, что вскочили на батарею, где стоял сам Наполеон. Они были взяты в плен. Наполеон залюбовался казаками-удальцами, приказал их накормить и привести к себе. После этого казаки, оставшись на bivуаке под конвоем, только и думали как им бежать. Казаки стали показывать конвоирам, что они хотят пить. Конвойные повели их к речке.

Подойдя к реке, казаки взглянули друг на друга, произнесли «ну» и все четверо бросились с обрыва в воду.

Конвой растерялся, открыл стрельбу, а казаки знай себе плывут и ныряют. Так и ушли из плена.

(П. Краснов «Донцы и Платов»)

Потемкин и запорожцы

Однажды князь Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них:

— Знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станёт звонить, то в Сечи будет слышно?

— Тут дива нет, — отвечал запорожец. — У нас есть такой бандурист, что как заиграет в Сечи, то в С. Петербурге затанцуют.

Топором рыбу удили

У окрестных жителей Мармароша (Венгрия) до сих пор ходит рассказ о казаках, относящийся к 1848 году.

В то время в Мармароше стояли казаки. В базарный день съехалось в город много народу, интересовавшегося больше казаками, чем куплей-продажей, так как разне-

Он был „козакирован“

Армия Наполеона в 1812 году состояла из французов, поляков, немцев, итальянцев и т. д. и действительно представляла из себя «армию двенадцати языков». В этой разношерстной армии вырабатывался и общий язык. К многим таким словам принадлежит и глагол «cosaquer» («козаке» — т. е. попасть в плен).

Отходящая из России армия Наполеона чаще всего видела наседавших на нее казаков и журналист Пейрююс писал, что его слуга «a été cosaquer» т. е. он был взят в плен. Знаменитый врач Деженетт был в Вильне также «козакирован», а Бегос доносил, что на подступах к Полоцку он боялся быть «козакированным».

елась по базару молва о том, что на реке Тиссе казаки удят рыбу топорами.

Все бросились к реке и с удивлением наблюдали как казаки, прицепив на веревку топоры, то опускали, то вытягивали их.

Долго ли продолжалась эта комедия — неизвестно, но когда люди вернулись обратно на базар к своим подводам, то в них не оказалось ни кур, ни гусей.

И теперь еще, в городе Мармароше подтрунивают над теми, кто что-нибудь прозевал, говоря им: «А ты чего, ходил на Тиссу смотреть как казаки топорами рыбу ловят?»

Путешествие на родину

Мы с тобой посетим этот маленький город,
Что Вандеею русской прославлен в веках;
За подъемом крутым от вокзала к собору
Мы увидим с тобой на скале Ермака.

В тополевых аллеях прохладой тенистой
На уютной скамье так приятно дышать;
Или ночью безлунной под звездными искрами
В аромате акаций мы будем гулять.

Страстной нотой звенят бесконечно цикады,
Ветер с луга доносит лягушек хорал.
Будешь ты в эту ночь моей радостью рада
Вспыхнет губ твоих пламенем ярким коралл.

И в саду городском с векового кургана
Ты увидишь бескрайний простор голубой,
Ты увидишь речную петлю, как арканом
Охватившую город возлюбленный мой.

Горизонта далекого синяя дымка,
И столетий минувших великий покой...
Там князь Игорь с дружиной прошел
невидимкой,
На Каяле он встречен судьбой роковой.

Ветер с Дикого Поля подует,
Принесет нам сказаний седых аромат.
Ты замрешь у меня на груди в поцелуе,
Счастья звонкого найден сияющий клад.

Андрей Ф.

НАЛЕТ

Случилось это 22 ноября 1944 года.

Стоял прекрасный, солнечный день. В итальянском городке О. был базар. Казаки начали выводку лошадей недалеко от базара. В 10 часов показались большие соединения англо-американских бомбардировщиков. Густые полосы белого газа указывали их путь.

Направление держали примерно на Вену, на Будапешт. На самолеты не обратили особого внимания, так как уже в течение нескольких недель бомбардировщики совершали свой обычный путь на Австрию, не задерживаясь над Казачьим Лагерем в О. С этим как-то свыклись: ну, летят, пусть летят, что собственно здесь бомбить: стариков, женщин, детей? Военных объектов нет, войска не стоят... Так думали казаки, но совсем по иному думали англо-американские летчики.

В этот день бомбардировщики совершали все тот же путь на Австрию. Но вдруг от соединения отделяется группа в 12 самолетов и берут курс прямо на О., где в это время базарная площадь была запружена мирным населением.

Противовоздушной обороны в О. нет по причине того, что нет военных объектов. О. — мирное итальянское местечко, где помещались жители итальянцы, казаки-старички, инвалиды, женщины и дети.

Повидимому партизаны-бадольевцы известили об этом англо-американцев и последние могли здесь работать безнаказанно.

Внизу шла обычная мирная жизнь: итальянцы и казаки запрудили базар, вели куплю-продажу. В казачьей станции делали выводку лошадей с целью выбраковки их. Никому и в голову не приходило, чтобы культурные англо-американцы могли заняться уничтожением мирного населения.

Последующие минуты показали, насколько ошибочно и наивно было мнение жителей маленького городка.

12 самолетов сделали два захода над местечком. И вдруг с ужасающим свистом и завыванием, от которого становится сердце и холодеет кровь, вниз полетели воздушные бомбы огромной разрушительной силы.

«Ковер» бомб!

В некоторых местах на один квадратный метр пришлось по две-три бомбы.

С третьим заходом противник начал бомбить и обстреливать бортовым оружием предполагаемые пути отхода.

В это же время на земле творилось нечто ужасное. Бомбы попали как раз в гущу людей и лошадей.

Был час, когда казачьи матери готовили обед, дети играли вокруг них, старики занимались каждый своим делом. Теперь матери, старики, дети, ползали в крови, в пыли, разорванные, растерзанные, с вывалившимися на землю внутренностями.

Многие кричали:

— Помогите, Христа ради!... Да пристрелите же, наконец, не дайте мучиться!

Были герои, которые кинулись спасать близких и под новым градом бомб падали разорванные. Как раз в это-то время погибло особенно много народу.

Раны от пуль автоматов, пулеметов, винтовок не так страшны, как раны от осколочных воздушных бомб. Они превращают человеческое тело в какое-то месиво, в кучу рваных мышц.

Совершив кровавое дело, «культуртрегеры 20 века» со спокойной совестью продолжали путь до нового объекта.

Люди, с лицами блее муки, начали убирать растерзанные трупы своих товарищей и беспомощные тела раненых с оторванными руками, ногами, развороченными животами, грудными клетками, вырванными спинами, пробитыми до мозга черепами.

В состоянии ли описать перо весь этот ужас, который творился на площади маленького О. Нет, нет и тысячу раз нет... Разве можно забыть, чтобы не холодело сердце и не выступали слезы на глазах, эти маленькие тела невинных детей, покалеченных, истекающих кровью.

А эти крики, которые не в состоянии вынести человеческий слух...

Если когда-нибудь эти строки дойдут до англо-американских летчиков, участников массового убийства, пусть знают, что они наделали и вспомнят своих женщин, стариков и детей.

О происшествии немедленно было сообщено во все ближайшие медицинские пункты. Для перевозки раненых задерживались все идущие куда бы то ни было машины и подводы.

На месте открыли летучие перевязочные пункты. Пострадавших немедленно перевязывали и отправляли в госпитали.

Приехали казачьи, немецкие и итальянские врачи. К вечеру разгрузка места бомбежки от раненых и убитых была произведена. Свидетелями ужасной драмы оставались еще неубранные десятки трупов друзей казаков — их верных коней. Да темные пятна крови, смочившие чужую мать-землю, чернели еще во многих местах.

Раненые, отправленные в немецкие госпитали, встретили исключительно теплое внимание со стороны немецкого медицинского персонала. Их забота превосходит лучшие пожелания.

Жертвы налета похоронены в братской могиле, с подобающими почестями, по христианскому обряду.

Да будет легка Вам чужая земля, дорогие казачки и детишки.

Неподалеку, в итальянских и швейцарских Альпах, лежат кости ваших предков казаков — суворовских чудо-богатырей.

Как и вы, они также умерли на чужой земле за Отчизну.

Александр Яганов.

ОТ РЕДАКЦИИ

В редакцию поступает множество писем от отдельных лиц о запросах и просьбах относительно подписки на наш журнал, а также поступают и заказы на книги.

Настоящим сообщается, что «На Казачьем Посту» издается для казачьих воинских частей, учебных заведений, лазаретов и пр. казачьих учреждений, откуда и идет распределение номеров между отдельными лицами. В частные адреса журнал не высылается. То же касается и издаваемых журналом книг и календаря.

Просьба не пересылать в адрес редакции деньги за журнал и книги. Все поступившие до сего времени суммы переданы по подписному листу в Отдел Социальной Помощи при Главном Управлении Казачьих Войск в пользу больных и престарелых казаков и их семейств.

Лили Марлен

Немецкая солдатская песенка

В переводе Татьяны Левшиной

Против казармы,
У ворот как раз,
Столб стоял фонарный,
Стоит там и сейчас.
Вот там мы встретимся вдвоем
С тобой под этим фонарем,
С тобой, Лили Марлен!

Наша тень двойная
Сливалась в одну.
Лили Марлен, родная,
Дай, крепче обниму!
Пускай все видят нас вдвоем
О тобой под этим фонарем,
С тобой, Лили Марлен!

«Зорю трубили»,
Кричит мне часовой,
«Тебя б не посадили,
Камрад мой дорогой!»

Тогда сказали мы — прости!
Сегодня нам не по пути
С тобой, Лили Марлен!

Каждый вечер светит
Памятный фонарь,
Но меня не встретит
Там, как было встарь.
Когда случится что со мной,
Кто будет там стоять с тобой,
С тобой, Лили Марлен!

По дороге трудной,
Средь глухих болот,
Снится мне твой чудный,
Твой влюбленный рот.
В тумане светится заря...
Стою в мечтах у фонаря
С тобой, Лили Марлен!

КАЗАЧЬЯ ФОТО-ХРОНИКА

Кубанский хорунжий — представитель молодого казачьего офицерства

Концерт на открытом воздухе

Стрельба лёжа, по казачьи

Идейный вклад казачества в общее дело борьбы против большевизма

В ежемесячном бюллетене Объединения Юго-Восточного Отдела Русских (эмигрантских) воинских Союзов, издающемся на правах рукописи в Праге, началась печатанием серия статей под общим заглавием «Белое Движение и Белая Идея».

Третья глава статьи, помещенная в № 32 Бюллетеня, посвящена теме — «Кто участвовал в Белом Движении и кто и что идейно в него внес».

Автор этой статьи (под псевдонимом «Националист») указывает, что хотя в белом стане были представлены все сословия, классы, профессии и т. д., но основных групп было три: казачество, офицерство и молодежь.

В каждой из этих групп, кроме объединяющих их всех мотивов участия в борьбе против большевиков (патриотизм, чувство негодования по поводу зверств, неистовств и вопиющей несправедливости, принесенных «октябрем», и т. д.), имелись и свои особые, индивидуальные (дополнительные) мотивы.

Вместе с тем каждая из 3 групп внесла и свое собственное, особое идейное содержание и участие в общей борьбе.

Автор упомянутого выше труда, разбирая эти вопросы, начал с казачества, полагая, что яснее всего представляются индивидуальные (дополнительные) мотивы участия казаков в борьбе против красных в период 1918-20 гг.

Ниже приводим выдержки из статьи «Националиста», касающиеся непосредственно казачества:

Участию казачества в Белом Движении иногда не придавалось того значения, которое оно объективно имеет. Во всяком случае (и особенно на Юге России) количественно оно было очень значительно! Едва ли даже не большинство не офицерской массы белых состояло на Юге из казаков.*) При серьезном подходе к делу не должно быть места ни апологетике, ни сатире. И мы, конечно, воздержимся от воспроизведения в нашей работе, как чрезмерно восторженных, так и неоправданно осудительных высказываний по адресу казачества.

Два вопроса представляются нам и интересными и важными. Почему казаки, — земледельцы, то есть, употребляя общероссийскую терминологию, крестьяне-земледельцы, в массе участвовали в Движении, а крестьяне (не казаки) как великороссы, так и малороссы, даже когда они были не беднее соответствующих казаков, в Белом Движении не участвовали? Мы разумею крестьян, живших в тех местах Великороссии и Малороссии, выходцами откуда были предки, скажем, Донского и Кубанского казачества. Поставим и второй вопрос весьма, как нам кажется, интересный. Чем объяснить, что в некоторых отношениях потомки оказались почти полной противоположностью своим предкам? Или, уточняя этот вопрос: почему потомки **наименее** консервативной части России оказались ее **наиболее** консервативной группой? Ведь предки казаков часто уходили из центра в казаки, не выдерживая тяжелой руки государства, будучи элементом **наименее** консервативным. Между тем, нам представляется безспорным, что казачество было в 1917 году и в своем сознании и в своем быту элементом **более** консервативным, чем крестьянство соответствующих российских губерний. Мы думаем, что, например, Донское казачество в 1917 году было и патриархальнее и консервативнее, чем крестьянство Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний, через которые, прежде чем попасть в Область Войска Донского, протекает Дон. Дон, как известно вытекает из Епифанского уезда Тульской губернии. Именно эти губернии мы называли потому, что реки в прежнее время были не только главнейшими путями сообщения, но и, быть может,

одним из важнейших национально определяющих и формирующих географических факторов.

Но, кроме традиционно консервативного и более патриархального быта, казаков отличало еще и гораздо более развитое чувство или инстинкт собственности. И в отношении второго можно сказать, что у донского казака чувство собственности было гораздо более стойким, чем у крестьянина Тульской или Рязанской губернии, так же, как у кубанского казака оно было более развито, чем у крестьянина малоросса, жившего в тех местах, родом откуда были предки этого кубанца. Мы в порядке гипотезы высказываем предположение, что именно эти два фактора — консервативный быт и чувство собственности — сыграли, конечно, не решающую, но во всяком случае значительную роль в качестве дополнительного мотива участия казачества в борьбе с красными.

Консервативно-традиционный быт. Полагаем, что не надо подробно разъяснять, что люди, этот быт сохранившие, его хранившие и жившие в нем, инстинктивно чувствовали, что революция разобьет и уничтожит все, что им дорого и что им мило. Были минуты слабости, затмения, психической подавленности, но легкого, добровольного и свободного, свободного и внешне и внутренне-психически отказа от своего быта, от своего естества **никогда** у казачества не было. Теоретически можно мыслить революцию, как некий свежий ветер, который обламывает только уже засыхающие и предназначенные к умиранию ветви. Но русская революция 1917 года в отношении всей России, а следовательно в частности и казачества, явилась не свежим ветром, естественно сметающим все отмирающее, а страшным ураганом, ломавшим и здоровое и живое, во многих случаях самые лучшие молодые побеги, тем космическим бедствием, которое ничего кроме горя и несчастья России не принесло.

Отвечая на второй вопрос настоящей статьи мы формулировали бы свой ответ таким образом. Люди консервативного мировоззрения и собственнического сознания внесли в Белое Движение, в котором руководящую роль играли представители городской русской интеллигенции (в подавляющем большинстве безземельные и «вообще не обладавшие никаким имуществом»), — **живой элемент «земли», устойчивой почвенности, элемент реальности, дух жизнелюбия и бытовой традиционности.** Таков, как мы, думаем, был важный и ценный вклад казачества в Белое Движение.

*) Примечание редакции:

Ген. Деникин в своих воспоминаниях говорит, что в белых армиях Юга России казаков насчитывалось до 80%.

Мы куем кадры

Очерк
Продолжение*)

Высоко поднялась луна из-за леса и плавно поплыла навстречу прозрачным и реденьким облакам. Лес погружался в сонливую дремоту ночи. Тянуло из леса влагой. Серебром поблескивала поверхность озера... В лесу, как и в окрестностях лагеря, было тихо и скучно. Только часовые сдержанно переговаривались на дороге, ведущей к мосту.

Юные казаки долго с вечера вели разговор о предстоящей охоте. Слышны были отдельные слова, смех... Под командованием урядника Очерет они собирались итти на диких свиней в лес.

Разговор в палатке у юных казаков оживился. Урядник Очерет говорит, набивая трубку табаком:

— Да... Многое пришлось повидать на своем веку... А ведь всего мне двадцать шесть лет. Снилось мне это все раньше? Конечно, нет! Ведь где я только не был?! В Италии был, в Сербии, Хорватии, ранее в Польше и Германии и вот судьба во Францию привела... — Он затыкнулся, выпустил густой дым и тяжело вздохнул. — «Жизнь что тебе кинематограф».

Юный урядник Андрияша Бабак уловил момент и непосредственно заговорил о предстоящей охоте.

— А я вот знаю, если дикий кабан бросится на тебя, то надо ложиться... Он тогда не разорвет... У него зубы так устроены... Только ногами бока намнет, а зубами не возьмет... А зубы у него большие! Он ими словно косою косит... Клыками он даже деревья, в руку толщичной, перекусывает. Вот иногда (мне отец рассказывал) дикого кабана загонишь в густой камыш, так он как зачнет на обе стороны клыками ляскать, ажник пыль к небу летит... Там, где дикий кабан пройдет, дорога образуется, трава не растет... Особенно это хорошо видно в камышах. Говорят по метру есть клыки.

Лукацов перебил:

— Неверно... Заврался ты, Андрияшка.

Бабак улыбнулся. Лукацов продолжал: — я вот, тоже знаю, как можно спастись от дикой свиньи — Лукацов посмотрел на урядника Очерета, словно спрашивая разрешения на право обсуждения данного вопроса... Он уж совсем решил продолжать свою речь, но в это время повелительно Бабак сказал:

— Ну, сказывай, что ты знаешь? Может такэ...

Лукацов продолжал:

— На пенек или на дерево можно влезть и тогда свинья ничего не сделает.

Это, пожалуй, верно, — протянул нараспев, соглашаясь, Андрияша Бабак.

Лукацов смотрел на лес, на серебристое озеро, на высокое синее небо поздним июльским вечером, а в голове бродили беспокойные мысли, прыгая с одного предмета на другой. Вдруг мысли в голове на минуту остановились... И снова в памяти рождались новые впечатления, связанные с воспоминаниями о далекой Родине, о первой любви... Был он тогда в станице в гостях у бабушки. И решил он с соседней девочкой, с которой вместе гулял и которую впервые так крепко полюбил, пойти вечером в лес. С края деревья были редкие и невысокие и в лесу было светло. Вверху было видно небо. Оно было чистое и прозрачное. Но по мере того, как на западе стухала заря, в лесу темнело. Виктор вспомнил сказки бабушки и стал робеть. В это время где-то в овраге ночная

птица прокричала. Крик напомнил плач ребенка из сказки о львице... Скучно и тоскливо стало у него тогда на душе. Вот и сейчас смотрит он на высокие деревья через поднятый фартук палатки, на озеро и вспомнил давно минувшее. Не на шутку он тогда напугался. «Маленький был я, вот и испугался. Теперь я карабин имею» — подумал он: И снова не хотел спать... Обидно было, что все уже заснуло. Вспомнил он, как торопливо переходил поляну, оглядываясь по сторонам и все время поворачиваясь в сторону оврага, крепко сжимая руку девочки.

Далеко позади оставался лес, поляна оканчивалась. Лес казался ему тогда пустынным и темным, а в душе ощущал он холодный страх. Сзади был овраг, впереди — силуэты куреней, кругом поле, справа — река, над которой поднимался туман. Деревья на краю поля рядом с рекой казались толще, чем были они днем, страшнее и красивее. Мысли перескочили на другой, более расплывчатый предмет. Он вспомнил мать, маленькую сестрицу, арест отца работниками НКВД, обыск в доме. Он стал сравнивать Терек с Францией, в которой вечно с утра до вечера идет дождь и редко когда бывают ясные дни. Чем больше он думал, тем больше хотелось говорить о родном крае, о друзьях, о матери и отце. Но с кем будешь говорить? Все такие сони. Он попробовал легонько толкнуть Худикова, но убедившись, что он уже крепко спит, еще более рассердился... Противной стала ему Франция... И он, засыпая, подумал: «зачем я здесь? Нет... не хочу, не хочу»...

Лукацов заснул, когда все уже спали детским сладким сном...

Лунный свет упал на вычищенный ствол карабина... Ночь... Ветер колыхнул свежим влажным воздухом ночи. Лагерь спал крепким здоровым сном, только часовые зорко охраняли жизни своих друзей!

Наступило утро, запели птички переключаясь между собой. По мере того, как приближался восход солнца, этот звук усиливался. Пели лесные маленькие птички, издавая своеобразный отрывистый плеск, билась рыба, на конюшине раздраженно ржал «Макс». Небо порозовело. Яркая краска залила небо... Прошло несколько минут. Слово золотой шар показалось солнце. Золотые нити его упали на влажную листву деревьев, на поляне запрыгали кузнечики, испуганные жабы второпях спрыгивали с прибрежных камней в парующее озеро.

Западная сторона неба была сплошь закрыта густыми тучами,двигающимися с океана на восход. Можно было думать, что к обеду снова пойдет дождь, если не повернет ветер с востока. Тогда снова небо очистится, снова будет ярко пригревать солнце... С вечера намечалась засада на диких свиней. Все с нетерпением ожидали вечера.

Оберлейтенант Божинский жил в одной комнате с оберлейтенантом Рожковым. Ежедневно я бывал у них. Вечером, когда я пришел к командирской палатке, то вокруг неё сидело человек двадцать юных казаков.

Улыбаясь, оберлейтенант Божинский говорит:

— Есть страшные звери... Много я видал зверей на своем веку...

Семен Остроушко вставил:

— Я видел большую-пребольшую черепаху... О, здоровенные!..

Перекривив рот и носик, приняв серьезный вид, Сорока перебил Остроушка:

*) См. № 2 «На Казачьем Посту».

— Более крокодила?!

— Еще бы! — Остроушко самодовольно улыбнулся, отворачиваясь в сторону, когда сильно хотелось смеяться, чтоб не заметил Сорока. Сорока верил словам своего друга, подсмеивавшегося над ним и удивлялся таким большим черепахам; глаза машинально у него прикрылись и он представил их себе. Приоткрыл глаза и робко спросил:

— А чем же их кормят?

— Если желаете, то я расскажу все как есть по порядку, а то я собьюсь. — Остроушко посмотрел на командира сотни, потом продолжал:

— Я много про черепах читал... Даже мало этого... Я слушал лекцию одного ученого... Сорока пересел ближе и приоткрыл немного ротик, ноздри еще сильнее у него раздулись. Затаив дыханье, он погрузился в сказочный мир фантазии и необычайных приключений.

Слушайте далее, — толкая меня в бок, тихонько говорит оберлейтенант Божинский. Остроушко останавливался на всех подробностях, а Сорока так внимательно слушал, что и сам не заметил, как стал дремать... Вот снится ему, что огромные черепахи, груженные минами, плывут по океану, хотя он и не видал океана, но он представил его большим-пребольшим, несколько раз больше озера, в котором ему приходилось ежедневно купаться. Он и красивый был, как это серебристое озеро, и вода в нем была теплой. Только глубже был он и гораздо шире... Сорока представил черепах, на которых были установлены дальнобойные пушки, зенитные пулеметы, ракетные истребители... И везде по океану плавают юные казаки... Звонко звенит их песня от края и до края в широких просторах... И там где-то далеко эту песню заглушают морские волны.

Сорока все еще спал, поджав калачиком ноги и подняв кверху вздернутый носик с широкими ноздрями на плоском лице. Из-за тучки потянул свежий прохладный ветерок. Он дул в западном направлении, угоняя тучи обратно к океану.

Обеденный перерыв оканчивался...

Сорока приоткрыл глаза и уловил слова своего друга. Остроушко все еще рассказывал... От черепах он перешел к крокодилам, потом разговор завязался о русалках и не замечая сам того, как заговорил о предстоящей охоте.

К концу обеденного перерыва урядник Хворостянка привел группу юных казаков.

— Это что такое? — подымаясь с разостланного одеяла, спрашивает оберлейтенант Божинский.

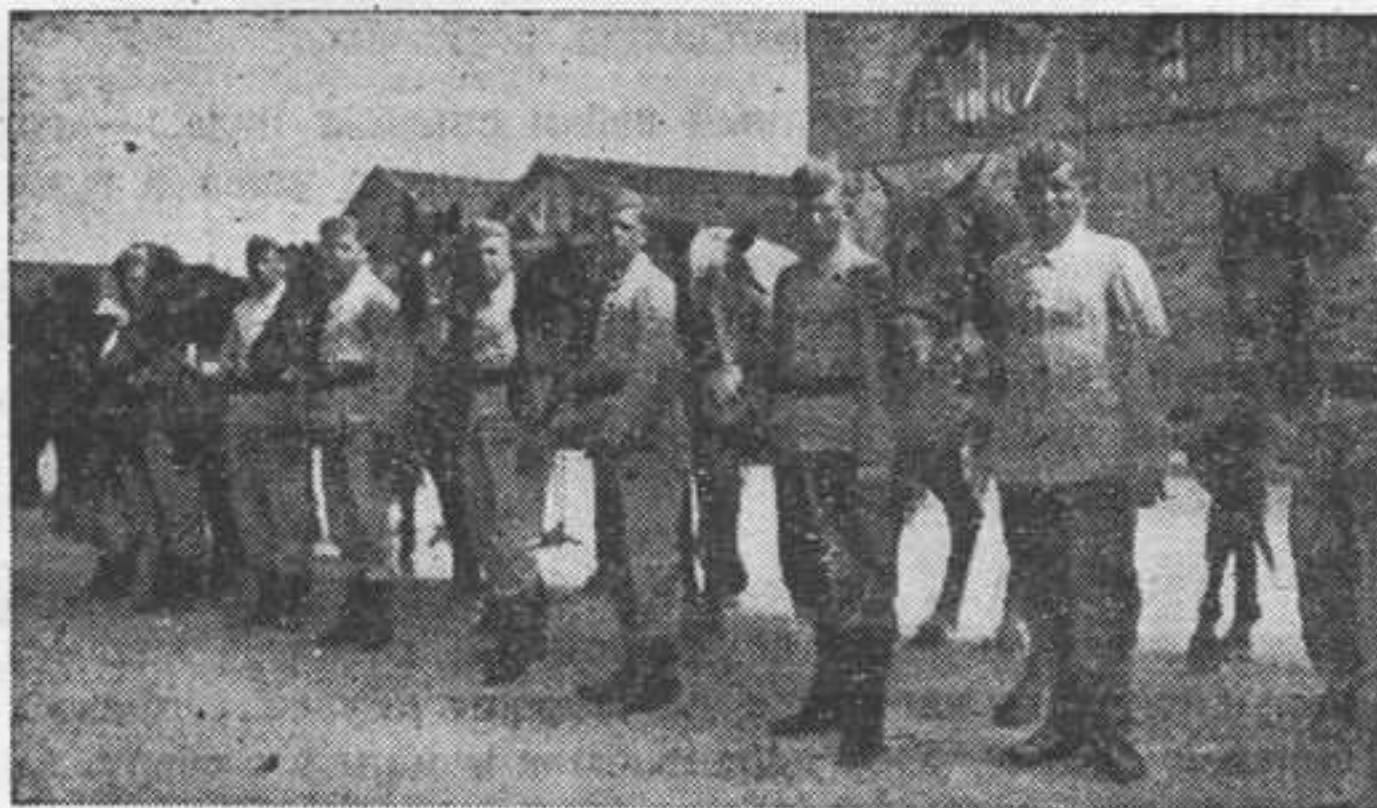
— Господин оберлейтенант, — докладывает урядник, — в очко играют... Я вот их «банк» забрал, арест на деньги наложил... Кажется более чем 400 франков.

Обеденный перерыв окончен. Сотни строились на строевые занятия.

Вместо свиней в лесу пришлось ловить диверсантов и шпионов, спущенных англичанами с самолета... Охоту пришлось перенести еще на один день... Начальник школы, оберлейтенант Минш, приказал усилить посты и выставить секреты... Парашютистов поймали старые казаки, а ночью напали на лагерь партизан, откуда подавались террористами ракеты. Четырех пойманных парашютистов казаки увезли в Лангрес. В связи с разгромом партизанского лагеря юные казаки целый день говорили о пойманных шпионах.

Охота, охота на свиней...

Ожидали этот вечер с нетерпением. Когда опустилось солнце за горизонт, Очерет, Бабак, Остроушко, Леошко, Худиков и др. тихо шли к месту, где собирались сделать засаду на свиней. Охотников было много, но пришлось уряднику взять лучших юных казаков. За плохую дис-

Выводня лошадей в Школе

циплину Сорока не получил разрешения идти вместе со своим другом Семеном Остроушко.

Долго Сорока не мог заснуть в эту ночь. И как заснул, сам этого не знал.

Очерет пришел с юными казаками на ранее облюбованное место. Расположились. Тихо... Небо временами заволакивалось и в лесу становилось совсем темно. Когда тучи уплывали куда-то в даль, тогда становилось светлее. Из-за кустов Очерет отчетливо видел, как снова на том месте, где были пойманы террористы, поднялась ракета, потом послышался гул самолета. Гул все ближе и ближе приближался к тому месту, где словно из земли поднялась ракета. Прошло несколько минут и снова высоко к небу взлетела вторая ракета. Потом снова все стихло... Небо было черное, гул самолета не доносился.

«Может вернуться надо» — думает Очерет. — «Нет, там сами решат, посижу еще».

Бабак, прижимая карабин, потихоньку стал пробираться к уряднику. Не успел он подойти, как в противоположной стороне раздался треск. Этот треск отчетливо услышал Очерет... Оба ниже опустили к земле и попятнулись назад, крепко сжимая заряженные винтовки. В пяти метрах затрепали гнилые, полусгнившие жерди. Большая дикая свинья, так показалось им, двигалась прямо на Бабака и Очерета.

— Стреляй! — подал команду урядник.

Два выстрела одновременно раздалось по одной цели. Немного приподнялся дикий кабан и пошел прямо на урядника Бабака. Снова в разную сторону раздалось выстрелы... Пух... пах... Другие так же стреляли.

Шум стих. Все собрались и направились к месту, где должен был бы лежать дикий кабан. Поискали, поискали в темноте, но найти не могли. В лесу стало совсем темно, месяц сел... Только звезды еще ярче горели, небо чище было... Белые полосы опоясывали высокое звездное небо. Сквозь млечный путь были видны далекие светила, отдаленные от земли на сотни миллионов километров.

Тихо стало в сыром лесу.

— Так как же это, — говорит Остроушко, — значит ни с чем и пойти домой...

— Значится так. — Бабак тяжело вздохнул. Лукацов и Худиков молчали. Очерет говорит:

— Сам я не могу придумать, куда он делся. Может в кусты залез и издох?

Постояли, поговорили и решили кабана прийти искать утром.

Утром отправилась вся вторая сотня. Долго ходили вокруг того места, где ночью сидели юные казаки с урядником... Напали на кровь...

— Кровь! Кровь! — раздались возгласы.

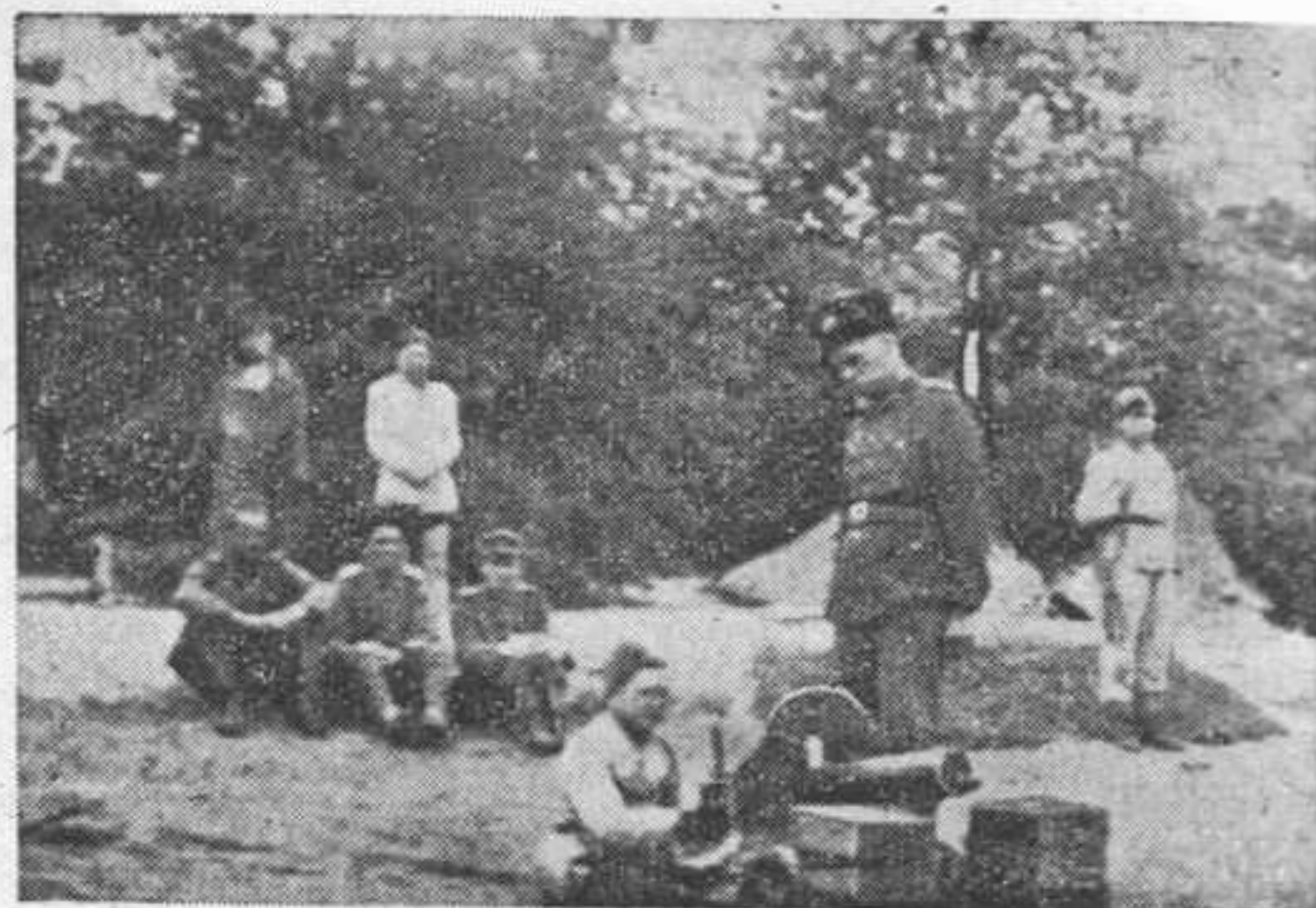
— Видно, подстреленный кабан сначала полз, — говорит Остроушко, — потом зализал рану и ушел в густые заросли.

Было странным, что везде были следы только людей, а следов свиней не было видно. Кровавый след привлек внимание юных казаков... Идут они вперед и разговаривают между собою.

— А все же... Почему там была видна кровь... Неужели эта ночь была неудачной. Не хотелось юным казакам слушать насмешки со стороны друзей... Факт оставался фактом. Уже подана была команда к сбору. Сотня собиралась было возвратиться в лагерь, когда в густом кусту нашли еле живого француза и вещевого мешок с разобранным автоматом и боеприпасами. Три пули разбили ему бедро... Он все еще был жив...

(Продолжение следует)

В. Никанов

Атаман Горб обучает юного казака Лукутцова стрельбе из пулемета

Между Уной и Савой

Генерал посетил казаков

Не переставая льет дождь. День и ночь. Вода из рек и озер вышла из своих берегов и затопила окрестности. Стал рыхлым земляной пол в окопах. Человек тонет в грязи. Несмотря ни на что, борьба наших казаков не прекращается. Частью они из Дона, частью из Терека. Численностью враг превосходил. Но казаки победили. Часть бандитов была уничтожена, а часть удрала в леса и горы.

Ночью, леж в землянках, слышно как клокочет вода и квакают лягушки. Где-то раздавались выстрелы тяжелых орудий...

Наш генерал, награжденный дубовыми листьями к рыцарскому кресту, объезжал эскадроны, расположенные на далеком расстоянии друг от друга. Казаки любят и знают своего «батюку» — так они величают генерала. Сегодня генерал раздавал сигареты. Он долго стоит на мосту, наблюдая за работой казаков. За ночь вода покрылась тонкой пленкой льда. Деревья и болотные растения превратились в «белое царство», покрылись инеем. Но не боюсь простуды, в ледяной воде, умело работают казаки. Будучи штатскими, наверно, давно, многие бы из них заболели. Теперь они стали закаленными, выносливыми людьми. Внимательно следя за работой, генерал дает указания.

В этой деревне наши части — последнее укрепление. Дальше начинаются болота и горы, в которых скрываются бандиты. Но генерал хочет идти дальше. «Господин генерал, можно мне вас предупредить...» — порывается сказать кто-то. Но генерал, прерывая его, садится в машину. И мы мчимся на полном ходу. Последний патруль; казак отдает честь. Дальше дорога идет по низменности, окруженная с двух сторон горами. Льет дождь. «Может дорогу затопить» — сказал кто-то. По пути встречаются разбитые военные машины. Это после налета бандитов. Мы въезжаем в деревню. Она опустела. Сорвавшиеся с цепочек ставни болтаются, неравномерно ударяя в разбитые окна. Только подсолнухи, лежащие на крышах домов, говорят о том, что и здесь когда то была жизнь. Много фруктовых деревьев в этой деревне. Мы останавливаемся возле одного. Генерал поднимает опавшие спелые яблоки и ест.

Мы едем дальше. Между Савой и Уной лежит широкая полоса, затопленная водой. Поля, леса, деревни лежат в

воде. Здесь дорога идет вверх. Но и здесь встречаются бандиты. Мы пока еще ни одного не встретили. Отражение дорывов в воде напоминает собой картину небрежно набросанную кистью художника.

Впереди виднеются первые укрытия. Скоро покажется деревня. На пороге по Уне мы подъезжаем к другому берегу. Бандиты спрятались в леса, рассчитывая из-за половодья быть в безопасности. Но и там достают их казаки. Ни грязь, ни болота, ни леса — ничто не смущает казаков. Неся оружие над головой, по пояс в грязи, идут казаки вперед. Гранаты, попадая в грязь и воду, окачивают и так уже промокшего воина. Но не страшны смелым «преграды на пути». Казачий гнев против большевиков-угнетателей силен. Сильна и боевая готовность. И бандиты бегут, оставляя деревни, занимаемые казаками. Хаос, виденный нами в деревнях, говорит об «освободителях и наводителях порядков».

1 Каз. Дивизия,

Немецкий корреспондент Карл Курт Гампе.

ОТДЕЛ РОЗЫСКОВ при штабе Войск генерала Доманова

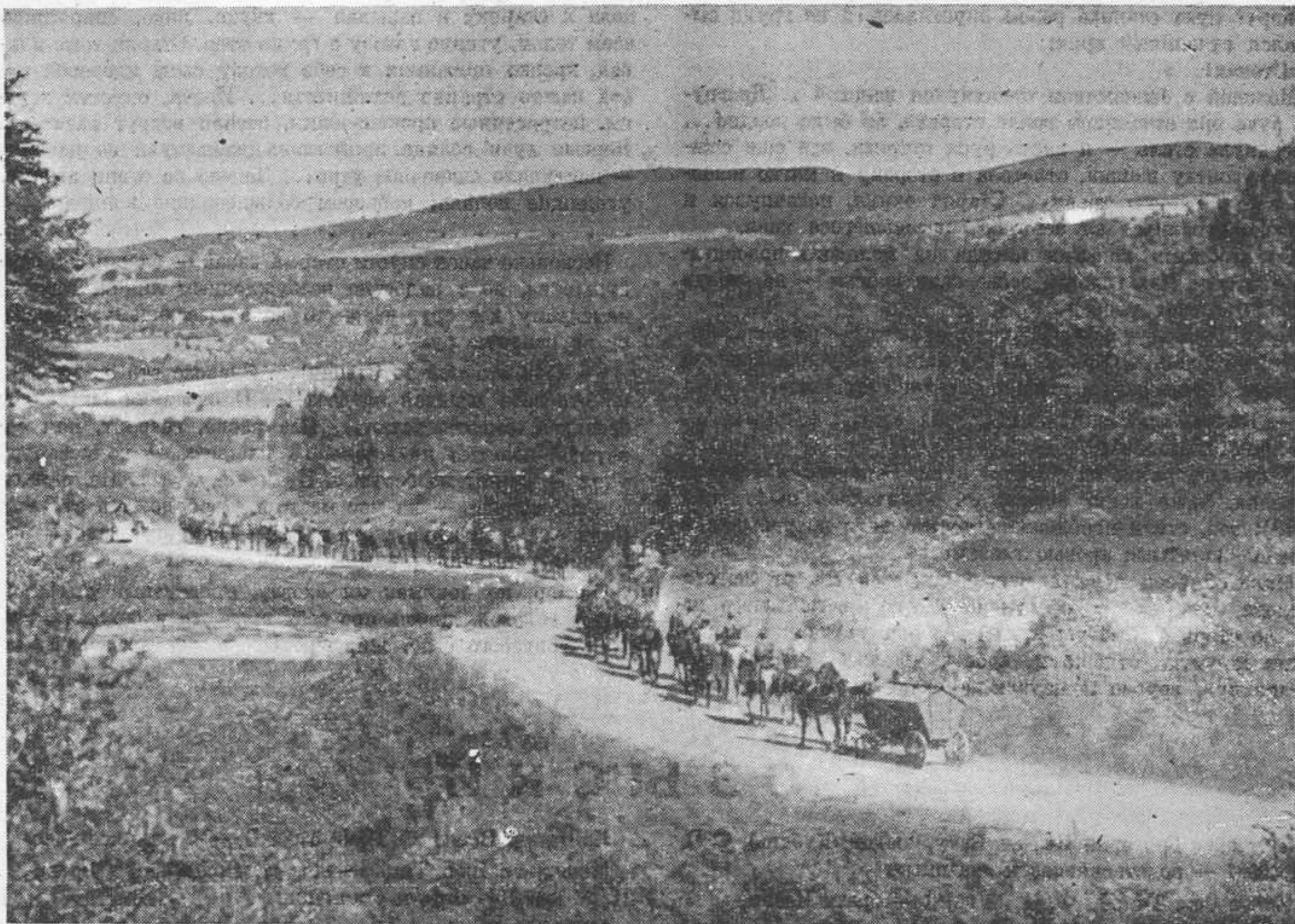
При Начальнике Связи штаба Казачьих Войск генерал-майора Доманова работает «Suchaktion»

«Suchaktion» начал свою работу с апреля 1944 года. Для розыска родных и знакомых обращающихся в «Suchaktion» казаков и их семей используются все пути, возможные в настоящих условиях. Посылаются запросы в отдельные адреса лагерей, предприятий, военных частей и т. д.; запрашиваются центральные бюро розысков родных; делаются запросы и вызовы через казачье представительство в Берлине; поддерживается связь с различными эмигрантскими штабами через Главное Казачье Управление.

Многие казачьи семьи соединились после разлуки или установили прочную письменную связь.

Эффективность работы бюро розысков была бы еще более высокой, если бы казаки и казачьи семьи, находящиеся в других казачьих частях, разыскивающие своих родственников, обращались с запросами в «Suchaktion».

F. P. Nr. 32500

Конница в походе

Случай в разъезде

Быль

По степи растилась сизый туман надвигающегося утра, когда разъезд перебрался вброд через неглубокую речку и рысью стал подниматься по склону нависшего над водою холма. Все пятеро казаков, составлявшие разъезд держались на стороже, зорко поглядывая по сторонам. В предутренней тишине мягко шуршали по густой траве копыта лошадей, в такт движению позванивали уздечки. В стороне по обеим берегам реки чернели обгорелые остатки домов, торчали почерневшие дымовые трубы — всё, что осталось от станицы после упорных боев передовых германских частей с отступающими за Кубань большевиками. Теперь, когда линия фронта продвинулась далеко вперед, происходила чистка занятых областей от остатков разбитых красных частей. Разъезду Н-ской казачьей сотни, сформированной из примкнувших к германской армии казаков, было дано задание выяснить, насколько свободна местность вокруг разрушенной станицы от большевических банд.

Старший в разъезде, седой, сморщенный, но бодро сидящий в седле казак, с белым рубцом шрама через правую щеку, уверенно вел разъезд, сторожко и зорко ошупывал взглядом окружающую местность, каждый бугор, каждую балку, в которой мог притаиться враг. Четверо казаков с винтовками на изготове гуськом тянулись за старшим, тоже готовые ко всяким неожиданностям...

И все-таки это произошло неожиданно, внезапно, так,

что даже испытанный в боевых передрягах старый казак не сразу осознал случившегося...

Выбираясь на вершину холма, кони надали ходу, размашистой рысью взлетели на гребень — и тут перед казаками, словно из-под земли, выросло в шагах 200-х впереди с десятков конных фигур, тоже на рысях шедших навстречу... Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что это был неприятель...

Старый казак опешил только на мгновение — в следующее он уже оценил положение и принял решение — единственно правильное и возможное... Щелкнула плеть, конь старика рванулся вперед, с места поднявшись в карьер, и одновременно взвизгнула, вырываясь из ножен пашка... Следом за старшим сорвались с места и остальные казаки. Ветер засвистел в ушах, впереди быстро надвигались толкущиеся на одном месте, растерянные фигуры неприятельских конников... Пронзительное казачье гиканье налегло на степь, заглушая топот копыт.

Расчет старого казака оправдался — вдвое превосходящие врага числом красные не выдержали атаки... Через минуту вся группа неприятелей бросилась враспынную.

Только один — молодой, рослый парень, с перекошенным лицом и выражением какого-то нечеловеческого бешенства в глазах, хлестнул коня и кинулся навстречу уже налетавшим казакам... Старек вихрем наскочил на противника, пашка свиснула, сталь лязнула о сталь...

и вдруг рука старика разом опустилась, а из груди вырвался отчаянный крик:

«Степан!...»

Молодой с бешенством отмахнулся шашкой... Дрогнула рука при отчаянном вопле старика, но было поздно... Сверкнула сталь — и кисть руки старика, все еще сжимающая рукоятку шашки, отлетела в сторону и мягко шлепнулась в густую траву... Старик охнул, покачнулся и тяжело повалился на землю со вздыбившегося коня.

Со злобными криками надели на молодого подоспевшие казаки. Над головой засверкали шашки — не отбить разом четырех ударов...

И тут снова — покрывая шум схватки — раздался отчаянный вопль... Снизу, из-под копыт лошадей, заливая кровью зелень травы, старик отчаянно кричал:

— Не бей!... Не бей!... Степан это!... Сын мой!... Степан!... Не бей!...

У казаков разом опустились руки. Воцарилась мертвая тишина, даже кони, словно им передалось настроение всадников, стали неподвижно, только дико похрапывая и поводя налитыми кровью глазами.

Молодой боец дрожал мелкой дрожью, как от лютого холода, не спуская обезумевших глаз с лежащего на земле старика. Пальцы руки медленно разжались, выпустив залитую отповской кровью шашку... Вдруг он вскрикнул, грузно и неуклюже свалился с седла, под-

полз к старику и зарыдал — глухо, дико, содрогаясь всем телом, уткнув голову в грудь отца. Старик тоже плакал, крепко прижимая к себе голову сына здоровой рукой как-то странно всхлипывая... Молча, опустив головы, потрясенные происшедшим, стояли вокруг казаки... Первые лучи солнца приветливо скользнули по равнине — наступало солнечное утро... Далеко по степи пылили уходящие полным карьером большевицкие конники.

Несколько часов спустя старый казак — бледный и осунувшийся, но с радостно возбужденным лицом, говорил немецкому доктору, деловито накладывающему перевязку на раненую руку:

«— Сын это мой... Степан!... Здорово это он меня — по отповски шашкой владеет!... С отчаяния он на нас бросился, смерти искал... Все равно, говорит, под советской властью не жизнь, а пленных — комиссар их учил — немцы не берут... Ну и кинулся... Но, однако, теперь шалишь — на мое место в строй должен стать... Коли ежели меня из строя вывел — замена нужна. У нас в борьбе за Родину каждый боец на счету!...»

Доктор, не понимая ни слова, приветливо улыбался, кивая головой, дивясь про себя крепости и бодрости этого седовласого сына широких Кубанских просторов...

В. Холмский.

Р о з ы с к и

Тимченко Григорий Ив., ст. Батуринской (Кубань), Ф. П. № 19907 — родственников и знакомых.

Ионов Сем. Тимоф., Ф. П. № 05131 — брата Ивана.

Шурпин Василий, Ф. П. № 05131 — жену Ксению Ивановну.

Богачков Леонид, Ф. П. № 05131 — родственников.

Титов Михаил Георг., ст. Екатерининской (Дон), Ф. П. № 45231 — родных и знакомых.

Морозов Мих. Гавр., ст. Есауловской, Ф. П. № 59232 — знакомых.

Остапенко Андрей, ст. Петровской (Кубань), Ф. П. № 29952 — сыновей Григория и Тимофея.

Чумаков Михаил, Ф. П. № 46316 — дв. братьев Раенковых и Степана Досева.

Васюков Ив. Петрович, Ф. П. № 44755 — родственников.

Гермаш Никифор Нест., Ф. П. № 44755 — родных.

Шамрай Никифор Нест., Ф. П. № 57519-Б — брата Алексея.

Сухоруков Георгий, ст. В. Белокалитвенской, Ф. П. № 59623-А — сына Георгия.

Шимус Ив. Ив., ст. Темнолесенской, Кубань, Ф. П. № 15201-Б — сына Бориса.

Болтенко Петр Фед., ст. Григориполисской, (Кубань), Ф. П. № 17084-Е — сына Дмитрия.

Сергеев Трофим, ст. В. Белокалитвенской (Дон), Ф. П. № 44527-Д — брата Гордея.

Нойман Александр, Ф. П. № 56490-С — своего отца, осаула Сергея Петровича Разумова, из Ростова.

Стулиев Валентий, Ф. П. № 15201-С — Бор. Мих. Дьяконова, Д. Я. Яндутова и Т. И. Гуреева.

Синявский Григ. И., ст. Ессентукской (Терек), нах. в Резерв. лазарете Голлабрун (12-а) — родных.

Балавас Василий, ст. Славянской, Ф. П. № 31428 — брата Алексея, б. члена Кубанской Рады.

Чужинов Александр, ст. Воровсколесской (Кубань), Ф. П. № 57917-А — брата Петра и станичников.

Кантемир Борис, Ф. П. № 57662-В. — Баталпашинцев.

Машкинов Ник. Тимофеевич, ст. Подгорной (Терек), Ф. П. № 09989 — отца и станичников.

Моторин Дмитрий Макс., Ф. П. № 56104-З — брата Ивана.

Глейкин Алексей, Ф. П. № 56104-З — брата Петра.

Мельниченко Михаил, Адамов Павел и Фильчуков Степан, Ф. П. № 09027 — родных и знакомых.

Курилий Григорий, ст. Луганской, Ф. П. № 59603 — Герасима Дан. Сафонова и П. Д. Сухаревского.

Карпенко Влад. Мих., ст. Воронежской (Кубань) Ф. П. № 56361-Е — братьев Василия и Ивана.

Тутов Василий, ст. Губской (Кубань) Ф. П. № 595315 — сына Ивана.

Бабенко Василий, Ф. П. № 15201-Д — жену Надежду.

Казанцев Митрофан, ст. Усть-Хоперской (Дон), Ф. П. № 45231-Е — брата Николая и родственников.

Ермилов Андрей Марк., ст. Кавказской (Кубань) — брата Григория. Отозваться по адресу:

Зорин Николай, Ф. П. № 57361-С — родных и знакомых.

Кинах Роза Крестовна — мужа Антона Миновича, ст. Старо-Стеблиевской.

Калмыкова Анна Васильевна — мужа Стефана Дмитриевича, ст. Астраханской.

Игнатенко Терезия Ивановна — мужа Ивана Андреевича, ст. Н. Петровской.

Костюкова Василиса Ник. — мужа Ивана Захаровича, ст. Куцевской.

Сидоренко Мария Ивановна — мужа Федора Тимофеевича, ст. Бриньковской.

Перечисленных выше пяти Кубанских казаков, чинов Русского Охранного Корпуса в Сербии, или же лиц, имеющих о них сведения, просят отозваться на фельдпост 32500, п. п. с 028